

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК82/821.0-31

DOI 10.17223/19986645/17/5

И.В. Ащеулова

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОВЕСТИ В. СОСНОРЫ: ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТОВ ИСТОРИИ

В статье анализируются три повести петербургского поэта В. Сосноры, написанные в 1968 г. на материале русской истории XVIII в.: «Державин до Державина», «Спасительница Отечества», «Две маски». Опираясь на мемуарные источники и документы эпохи, автор вступает с ними в диалог, предполагая недосказанности, умолчания и невозможность идентификации фактов, и предлагает субъективную интерпретацию или альтернативный вариант исторического события.

Ключевые слова: В. Соснора, исторический вариант, русская история, смысл, тексты, память.

История в переводе с греческого означает «рассказ, исследование», этимология акцентирует значение не «события бытия», а «события повествования, рассказывания», т.е. создание текста о прошлом лежит в основе истории как науки о развитии общества [1. С. 3]. Исторический факт, становясь историческим документом-текстом, может подвергаться различным толкованиям и интерпретациям, каждая последующая эпоха может создавать свои тексты о предшествующей. В этом смысле факт может искажаться, обрастать мифами и легендами, история начинает восприниматься субъективно, и ее интерпретация предполагает множество индивидуальных точек зрения. Проблема объективности и субъективности в описании исторического факта всегда волновала как самих историков, так и писателей, обращающихся к исторической тематике. Объективное (соответствующее документу повествование) или субъективное (художественный вымысел, авторское отвлечение от фактов или от их истолкования в документе) отношение к закреплённому в текстах или в преданиях историческому факту рождает проблемы, связанные с отношением к событию-факту как таковому, и прежде всего к тексту/текстам о нем, вопросы о подлинности зафиксированного в тексте факта или о его мистификации; вопросы о полноте описания события-факта; вопросы о соответствии факта и его трактовки в документе-тексте; вопросы о границах интерпретации фактов, событий, текстов читателем-историком, пишущим новый текст о факте (или мистифицированном событии).

Для исторической прозы XX в. эти проблемы стали особенно актуальны в связи с резкими историческими изменениями не только социального строя, но всей ценностной системы прошлого: даже не ссылаясь на фальсификацию или сокрытие фактов, можно говорить, что в XX в. трижды менялась история России и мира, и три волны русской исторической прозы представляли попытку художественной интерпретации, альтернативной официальной модели истории: историческая проза 1920–1930-х гг., историческая проза 1960–

1970-х гг. и историческая проза 1980–1990-х гг. При всём принципиальном различии стратегии и поэтики этих волн исторической художественной прозы можно принимать за общую декларацию высказывание Ю.Н. Тынянова 1930 г.: «Есть парадные документы, и они лгут. <...> Там, где кончается документ, там я начинаю. Представление о том, что вся жизнь документирована, ни на чем не основано: бывают годы без документов. Кроме того, есть такие документы: регистрируются состояние здоровья жены и детей, а сам человек отсутствует. И потом сам человек – сколько он скрывает, как иногда похожи его письма на торопливые отписки! Человек не говорит главного, а за тем, что он сам считает главным, есть еще более главное. Ну, и приходится заняться его делами и договаривать за него, приходится обходиться самыми малыми документами. Важные вещи проявляются иногда в мимолетных и не очень внушительных формах. Если вы вошли в жизнь вашего героя, вашего человека, вы можете иногда о многом догадаться сами» [2. С. 154].

Тынянов, соответственно своему времени, не отрицал документа и тем более факта свершившегося события и говорил не только о праве, но и о предназначении художника «заглянуть за документ», дополнить факты и документы смыслом, собственным пониманием истории. Такое понимание делает историческую прозу не иллюстрацией документальных фактов, но и не свободной фантазией возможных случайностей, но текстами-интерпретациями текстов, стоящих за документами. В таком случае цель интерпретации – не столько выяснение подлинности и полноты документа, сколько определение ценностного смысла возможного и гипотетически подлинного факта, смысла, актуального для интерпретатора, живущего в другой исторической ситуации.

Неизбежная субъективность интерпретации преодолевается именно вне-находимостью художника по отношению к изображаемой ситуации. Находясь в другой исторической и экзистенциальной ситуации, художник обретает временную перспективу, и на схождении прошлого героев и настоящего самого автора выходит к надвременной – философской – перспективе, позволяющей прозревать в событии прошлого смыслы, актуальные для настоящего, а в судьбах исторических личностей варианты личностных поступков, свойственных человеку разных исторических эпох, но похожих бытовых, межличностных, ментальных и этических положений. Если постмодернистская проза 1990-х гг. (В. Пьецух, В. Пелевин, В. Шаров и др.) будет открывать вечную повторяемость истории («*déjà vu*», «уже было», как это назвал Саша Соколов), то альтернативная историческая проза второй половины XX в. представляла феноменальность исторических фактов и личностей, искала схождение, общую направленность, инвариантность человеческого смысла исторических поступков и исторических событий. Это относится к экзистенциальной прозе 1960–1970-х гг. (М. Алданов, Б. Окуджава, Ю. Трифонов, Ю. Давыдов). Для этой прозы характерно не столько сомнение в документе (и в действительности самого события), сколько внимание к документу как недостоверному, но единственному источнику знания о прошлом, требующему не игры в альтернативные варианты события и его толкования, а объяснение причин известного варианта и его последствий, видимых из настоящего: на первое место выходит интерпретация. Однако уже в 1960-е гг.

возникает «предпостмодернистская» историческая проза, в которой место анализа и интерпретации факта занимает игра в «было / не было», место художественной реставрации прошлого – фантазмагорическая версия прошлого, и предтечей исторической прозы конца XX в. можно назвать опыты исторической прозы В. Сосноры.

Исторические повести В. Сосноры датированы 1968 г. и собраны в книге «Властители и судьбы: Литературные варианты исторических событий» 1986 г., это первая книга прозы поэта [3]. Они и встраиваются в контекст исторической прозы 1960–1970-х гг., но и отличаются как от официальной (иллюстративной), так и от параллельной (интерпретационной) линий исторического повествования. Задача Сосноры заключается в том, чтобы, во-первых, поколебать уверенность читателя в обладании истиной; во-вторых, изменить представление читателя об историческом событии и, в-третьих, представить собственное понимание смыслов документа, а значит, смыслов свершившегося исторического события. Авторская стратегия Сосноры – опора на автобиографические («Записки» Державина, «Записки» Екатерины), мемуарные и документальные источники (стихи В. Мировича, доклады коменданта Шлиссельбурга Овцына, архивы Шлиссельбургской крепости, протоколы суда, свидетельства современников). С одной стороны, они не вызывают сомнений в подлинности, но с другой – грешат «страстью к самоописанию», а значит, невольно вводят читателя в круг субъективной мифологизации. Поэтому Соснора предлагает читателю возможность интерпретации, расследования события и ставит проблему не подлинности события (в этом у него нет сомнений), но проблему понимания документа-текста, который требует расшифровки. В процессе расследования появляются дополнительные, ранее скрытые варианты понимания события и поведения исторической личности, что в конечном итоге меняет семантику события русской истории. Таким образом, Соснора в решении проблемы соотношения события-факта и документа-текста пользуется методом исторической прозы 1970-х гг., но приходит к постмодернистским выводам о фальсификации истории в текстах. Главная задача в исследовании исторической прозы Сосноры заключается в определении позиции автора по отношению к текстам истории: обнаружение истины, скрываемой сознательно или бессознательно, или поиск собственной субъективной правды, попытка актуализировать историю для современности и современного человека.

Итак, наша задача связана с анализом и обнаружением авторской стратегии В. Сосноры по отношению к документам исторической эпохи XVIII в. Оговоримся, что нас интересуют только повести, написанные на материале русской истории: «Державин до Державина», «Спасительница Отечества», «Две маски».

I

Первая в этом ряду «Державин до Державина». Композиционно повесть разделена на 12 глав, графически выделенных арабскими цифрами. Первая глава может восприниматься как введение, в котором обосновывается позиция автора: «Это не повесть-жизнеописание. Это попытка введения в биогра-

фию Державина» [3. С. 8]. Автор повести опирается на автобиографические «Записки» Державина, как бы полностью доверяя их объективности и подлинности, но обнаруживает односторонность описываемой субъектом «записок» жизни – это записки государственного служащего о своей карьере. Интерес автора повести к автору «Записок» связан с попыткой понять, почему вне перспективы автобиографии великого поэта оказалось то, в чём автор повести видит величие автора мемуаров – поэзия, другие тексты Державина, в которых возникает другой образ человека и поэта. Очевидно, что такой поворот проблемы, проблема сущности человека, проявляющейся в текстах, имеет экзистенциальную философскую основу, важную для самого Сосноры в 1960-е гг., годы становления его поэтической личности: значение поэтического таланта на судьбу человека. Интерпретируя «Записки» Державина – воспоминания частного человека в историческом процессе XVIII в., Соснора выстраивает движение Державина к Державину: среднего чиновника-человека к великому поэту русской словесности. Сюжет жизни Державина, каким его видит автор, – это путь преодоления жизненных тягот и невзгод в обретении себя истинного.

Эта мысль проявляется в композиции. Из «Записок» выбираются ключевые моменты биографии Державина, открывающие беспросветность, бессмысленность, безнадежность жизни человека в своём времени, в социальных условиях XVIII в. Так, глава II описывает сиротское (после смерти отца) детство Державина, простаивание в очередях всевозможных присутствий, притеснение более богатыми соседями, невозможность получения достойного образования. Глава IV воссоздаёт обстоятельства службы рядового Державина в Преображенском полку, когда он подвергался насмешкам и унижениям со стороны солдат и их жен. В главе IX подробно описывается случай, когда Державин чуть не замерз на посту. Эпизоды создают образ жизни как череды невзгод. Записки, пишущиеся по завершении 37 лет государственной военной и статской службы (закончены в 1812 г. 69-летним Державиным), фиксируют, с одной стороны, моменты унижения и испытаний, с другой стороны, удостоверяют успешное преодоление невзгод аргументом успешной государственной карьеры: от рядового до министра. В этом сошлись и ценности времени, но и то, что для самого Державина государственное, служебное признание (чины) было чрезвычайно важно, поэтому именно о нём он пишет в записках, вскользь упоминая исторические события, в которых Державину довелось участвовать, но которые воспринимаются Державиным-автором «Записок» лишь как частные испытания и этапы карьеры.

Именно эта позиция человека частного, но принявшего государственные ценности и цели как главные для жизни любого человека, противна духу Сосноры как личности и как поэта. Рядом с описаниями трудностей и лишений Державина на службе соседствуют фантазмагорические картины приключений, происшествий, случаев, эпизодически упомянутых самим Державиным, но поэтически, метафорически переосмысленных человеком другой эпохи и другого сознания. Речь идет о поездке Державина в качестве геодезиста в город Чебоксары с М.И. Веревкиным, директором Казанской гимназии (глава III), или рассказе об эпидемии холеры (глава VIII), или случайной встрече Державина со знаменитым стихотворцем екатерининской эпохи В. И. Майко-

вым (глава IX). Особое внимание Соснора уделяет эпизоду, который в «Записках» занимает один абзац. В главе X эпизод сжигания архива на карантинной заставе становится идейным центром повествования, позволяющим автору повести выйти к обобщениям и представить собственное понимание судьбы человека и поэта в истории. В главе VI читаем: «Державин придавал первостепенное значение своей государственной деятельности. Он не только получал награды, но и искал случая получить награду и похвастаться в своих смешных автобиографических записках. О своей поэтической деятельности поэт пишет мимолетно, мимоходом...» [3. С. 32]. В главе X читаем: «Державин единственный из русских поэтов относился достаточно хладнокровно к своему творчеству. <...> Для Державина стихи были лишь составной частью его жизни и деятельности. Он в равной мере любил себя и за то, что он министр, и за то, что он написал оду «Бог»» [3. С. 47]. В «смешном» для современного повествователя тексте Державина Сосноре видится главное противоречие жизни Державина: соединение поэта и чиновника, гения и ординарного служаки. Несомненно, в позиции Сосноры проявляются диссидентские ценности «шестидесятников», готовых видеть конфликт поэта и государства, поэта и обывателя. И Соснора находит в поэзии Державина то, что не обнаружил в частных, хотя и написанных для потомков, «Записках». Конфликт конформиста и гения выразился в космическом трагизме поэзии Державина, в осознании поэтом того, что человеческому духу невозможно избавиться от оков брэнного тела, в осознании своей силы и своего бессилия, невозможности бессмертия, преодоления распада. «Другие» тексты Державина, лишённые фактической точности, вводятся в повествование и становятся материалом интерпретации как документы внутренней, духовной биографии поэта. Поэтические тексты Державина создают в интерпретации повествователя образ «другого» Державина, не убежденного в своей честности, правоте и заслугах чиновника, но сомневающегося, философствующего поэта, первым в истории русской словесности понявшего, что «стихотворение – это такое же живое и трепетное существо природы, как человек, цветок, животное. Оно не просто написано, а – рождено, как все в природе, в муках и имеет равноценное право со всем живым – на жизнь...» [3. С. 47–48].

Таким образом, основой для создания образа поэта в историческом времени становятся автобиографические «Записки», выступающие как свидетельства о действительных фактах эпохи, и стихи, предстающие как свидетельства духовной истории личности. Стихи были незначительным содержанием жизни Державина-чиновника, о чем явно свидетельствуют записки, стихи писались «для забавы», «в праздное время», «в угождение домашним» и для «возвращения к себе благоволения монарха» [3. С. 48]. О первой книге стихов Державин упоминает в «Записках» в 1798 г. в связи с проблемами по службе, возникшими от вмешательства цензуры. Соснора видит в этом пренебрежении к творчеству иронию судьбы и иронию творчества: то, что не ценится в своём времени и даже самим творцом воспринимается как помеха, явится в другой исторической ситуации как высшая ценность, выведет поэта из безвестности очевиднее, чем его служебное признание во времени. Соснора убежден, что не государственная служба, а поэзия, творчество, его этапы, метания, «прекрасные и постыдные движения сердца» должны были стать

предметом мемуарных записок. Державин, безусловно, понимал значение своего таланта и значение поэзии. Поразительны его высказывания о силе и ценности слова: «...человек чрез слово всемогущ: Язык всем знаниям и всей природе ключ; Во слове всех существ содержится картина, Сообществ слово всех и действий причина...» [4. С. 40]. Но Державин был человеком своего времени, первостепенное значение он придавал своей государственной деятельности, поэтому служил честно, стремился к чинам и наградам и талант использовал в том числе для внимания властителей. Но именно эта позиция человека XVIII в. противна духу Сосноры как авангардисту и шестидесятнику. Для него немислимо одновременное служение государству и слову, поэтому критическое восприятие Соснорой «Записок» – это конфликт двух разных ценностных миров, разность заключается в отношении к поэтическому слову, его судьбе в вечности, в судьбе личности, в отношениях личности и власти. Именно из-за разных позиций, с точки зрения Сосноры, Державина не любили Пушкин, Лермонтов, Белинский. О невнимании и холодности читателя XIX в. по отношению к Державину писал Я.К. Грот в монументальном труде о жизни Державина: «Он замечательно правдив в изложении фактов, и с этой стороны записки его составляют весьма важный и ценный материал для истории его времени. <...> Но Державин внезапно явился в них человеком другого времени, с понятиями и взглядами, часто совершенно противоположными тем, которые в ту минуту (год публикации «Записок» – 1859. – И.А.) пробудились с особенной силою» [5. С. 590–591].

В этом смысле особенно значимы темы поэзии Державина, выделяемые Соснорой, он не обращается к жанру торжественной оды в творчестве поэта. В повести цитируются строки из стихотворений «Горелки» (1793), «Храповицкому» (1797), «Мореход» (1802), «Евгению. Жизнь Званская» (1807). Все стихотворения относятся к позднему периоду творчества Державина, когда начинает выходить в свет собрание сочинений поэта. Соснору привлекают стихотворения-«подведение итогов», которые написаны как лирические стихотворения, медитативная лирика, размышления о жизни, бытии, его смыслах. Цитаты из названных стихотворений выступают в повести как эпитафии, определяющие направление размышлений автора повести. По мнению Сосноры, магистральными темами духовной судьбы Державина становятся мысль о разрушительности времени и тема смерти, мысль о подлинной и мнимой свободе человека в жизни, о смысле человеческой жизни, ее предназначенности.

Первая цитата из «Жизни Званской» появляется уже в главе II, она предлагает идиллическое описание жизни Державина-помещика и воспринимается как контраст к тексту «Записок». Общеизвестная первая строфа («Блажен, кто менее зависит от людей, / Свободен от долгов и от хлопот приказных, / Не ищет при дворе ни злата, ни честей / И чужд сует разнообразных!») прямо противоположна 37 годам «страшной службы», несправедливости и зависимости Державина. Описание обедов и сибаритского времяпрепровождения («Бьет полдня час, рабы служить к столу бегут...»; «Иль в лодке вдоль реки, по берегу пеш, верхом...») контрастирует с «кошмарами скитаний и нужды», испытанными Державиным. Соснора указывает на диссонанс, который, по его мнению, проявляется в судьбе Державина. О «кошмарах скитаний и нуж-

ды» написана целая книга, а как возникают поэтические образы стихотворения, его легкость, игра, ирония, катастрофическая мысль о забвении всего и всех («Разрушится сей дом, засохнет бор и сад...») – об этом в мемуарах ни слова. Поэтому поэт Соснора не согласен с чиновником Державиным, не проявляющим интереса к поэту Державину.

Вторая цитата дается в этой же главе II из стихотворения «Храповицкому» и развивает тему несвободы человека: «Страха связанным цепями / И рожденным под железом, / Можно ль орльими крылами / К солнцу нам парить умом? / А хотя б и возлетали, / Чувствуем ярмо свое...». По мнению Сосноры, никто из русских поэтов не смог с такой силой выразить трагедию человеческого существования, конфликт материи, страха, ничтожности человека и его духа, чувств, стремлений. Стихотворение обращено к другу Державина Храповицкому, сравнившему Державина с орлом, но поэт не принимает это олицетворение и обнажает не только свою, но и всеобщую человеческую сущность: «Должны мы всегда стараться, / Чтобы сильным угождать, / Их любимцам поклоняться, / Словом, взглядом их ласкать. / Раб и похвалить не может, / Он лишь может только льстить» [4. С. 247]. Обнаружение зависимости человека от обстоятельств, от произвола начальства и властителей, собственного страха, малости и ничтожности человеческой сущности становится философским прозрением Державина, но в то же время ничего зазорного в стихотворных посвящениях вельможам он не видел. Соснора говорит о космической музе Державина, которой оказалось подвластно и высокое и низкое, но и недоумевает, что истории становления этой музы не нашлось места в записках.

Последней цитатой становится полностью воспроизводимый текст стихотворения «Мореход», неточно названного Соснорой «Мореходец». Принципиальной разницы здесь нет, в словаре Даля это слова-синонимы: «человек, к мореходству относящийся» [6. Т. 2. С. 347]. Вероятно, стихотворение приводится по памяти, что говорит о его значимости в духовной биографии самого Сосноры. Последняя строка не только цитируется два раза, но и графически выделяется, как наиболее значимая: «И С ПЛАЧЕМ ПЛЫТЬ В ТОЛЬ ДАЛЬНИЙ ПУТЬ...». Соснора называет эту строку «символом эпохи», «эпопеей», в ней отражается мысль Державина о жизни как реке времени, о стремлении этой реки к смерти, распаду и о страхе человека перед своим концом и тленом. По мнению автора повести, последняя строка «Мореходца» метафизична, она выражает вневременность, внеисторичность человека, ибо страх смерти сопровождает его всегда.

Итак, в автобиографическом тексте Державина Соснора обнаруживает глубинный конфликт двух обликов исторической личности: чиновника и поэта. Голос чиновника, государственного человека описывает исторические деяния, собственную ревностную честную службу трем русским царям, ни одним из них не оцененную по достоинству. Голос поэта в «Записках» не звучит. Но автор-исследователь, интерпретирующий документ, вводит для своего комментария и истолкования другие тексты Державина, используя поэтические тексты как документ внутренней жизни. В отличие от Тютчева, как и в отличие от последующих авторов постмодернистских исторических мистификаций, Соснора в этой повести не изображает гипотетические эпизо-

ды жизни за границами документа, напротив, он работает только с текстами-свидетельствами. В них он обнаруживает различие, и интерпретация вызвана объяснением природы различия текстов, а выводит к противоречиям сознания человека и поэта, к противоречиям искусства и эмпирической жизни, к противоречиям времени жизни человека, в границах которого хочет найти место человек, и в границах вечности, в которую поэт может войти посредством актуальности своих текстов-безделок (с позиции прагматического действительного времени). Сравнение и комментарий текстов прошлого создают объёмный контекст жизни Державина: явного и значимого для него самого и «другого» не явного, но странным образом значимого и для него – поэта-философа. Поэт-философ оказался не только заложником своего века и прозаической жизни, но и отразил в поэзии духовную атмосферу эпохи, становясь ее судьей, обличая двойственность человека («Бог»), несправедливость общественной жизни, попрание истины («Властителям и судиям», «Вельможе»). Он стал «зеркалом времен» – истории, но и выразителем разрушительной силы времени. Поэтическое слово открывало экзистенциальные основы бытия – это наиважнейшее призвание поэта, что дает ему бессмертие, и Державин первым сказал об этом в русской поэзии («Памятник»). По мнению Сосноры, «Записки» являются обличительным документом российской действительности, в том числе и своего автора. В субъективном прочтении «Записок» Соснора обнаруживает собственное понимание противостояния человека и исторического времени, в котором ему приходится существовать, человека и государства, регламентирующего жизнь человека и оценивающего её смысл. В случае с Державиным поэтическое слово оказалось итогом существования человека в большом времени истории.

II

Повесть «Спасительница Отечества» посвящена событиям дворцового переворота 28 июня 1762 г., в результате которого Екатерина стала императрицей. Свою задачу автор видит в развенчании исторического мифа о Екатерине II как спасительнице Отечества и пытается увидеть истинное лицо Екатерины.

Кольцевая композиция текста повести акцентирует идею случайности исторических событий и мистификацию их причин и значимости. В прологе государственный переворот 1762 г. объясняется как воздействие петербургских белых ночей: «В такие ночи задумываются преступления и восстания. Только бы уйти в темноту, уснуть, отстраниться от этой своей современности. Все больны. Все рассеяны. Все ненавидят друг друга. Кликни клич – и ударят гренадерские барабаны, и взвоятся знамена, и покатаются первые попавшиеся головы, ничуть не повинные во всеобщем раздражении» [3. С. 57]. Пролог отражается в финальной главе X иронической мыслью зависимости социальной и политической жизни Российского государства, национального характера от погодных условий: перечисляются 14 заговоров 1764 г., произошедших от холодного лета, от невозможности согреться и увидеть солнце: «Это лето выдало только четыре теплых дня, да каких там теплых, тепловатых, – проклятое лето. В это лето произошло еще четырнадцать заговоров и

четыренадцать простых процессов над заговорщиками» [3. С. 142]. В утверждении зависимости истории от превратностей погоды видится не столько проявление концепции случайности возникновения и непредсказуемости развития исторических событий, сколько иронический намёк на значение поступков и целей множества лиц в возникновении разного рода положений с разным исходом. В зависимости от исхода ситуации возникают разные объяснения, толкования событий, принимаемые за подлинные (или не принимаемые), в результате чего тексты-интерпретации участников дают начало мифу о событии (миф – с греч. предание, повествование, объясняющее происхождение того, что случилось в прошлом). Потомки узнают о событиях прошлого из разного количества текстов, и их задача не найти одно истинное, но приблизиться к истине из множества прежних интерпретаций, создавая свою интерпретацию-текст. Поэтому в свидетельствах о событиях 1762 г. автор обращает внимание не на явно выраженный факт или идею-объяснение, а на упоминания случайных поступков, слов, среди которых некоторые стали историческими константами, а другие были отброшены как незначимые.

Главное в событии государственного переворота 1762 г. не абстрактная историческая необходимость, не рок и не случайность, а, по мысли автора, противостояние двух сведённых правилами престолонаследия чужих друг другу людей – супругов Петра III и Екатерины Алексеевны, равно неспособных управлять такой империей, как Россия. Экспозицией, введением в будущее историческое событие оказывается глава I, описывающая похороны Елизаветы Петровны, на которых Петр ведет себя как шут, превращая похоронную процессию в комедию, в то время как Екатерина все сорок поминальных дней ежедневно посещала гроб Елизаветы и плакала по усопшей, отдавая дань ее памяти. Так обнаруживается пока ещё скрытая и бессобытийная, но рождённая явно в замысле будущей властительницы ситуация противопоставления себя императору в мнении государственных людей и народа, так выстраивается миф о смирении, любви и почитании авторитетов будущей императрицы, подхваченный историками и развившийся в многочисленных источниках. Соснора отталкивается от этого мифа («ни один историк не попытался поставить хотя бы элементарный опыт объективности»), но проверяет его составляющие, сталкивая различные тексты, анализируя, предлагая собственное понимание поведения Екатерины. Глава II начинается общеизвестным пассажем из многих исторических трудов о Екатерине: «Она очаровательно цитировала Перикла, Солона, Ликурга, Монтескье. Она все знала наизусть: прозу Лесажа и Корнеля, драмы Мольера. Она ослепляла цитатами из Плутарха, Тацита и Монтеня» [3. С. 61]. Екатерина была образованна, эрудированна, красива, ее обожали многие, особенно офицеры гвардии, прощали ей интрижки, жалели ее, по контрасту с мужем-невежей и грубияном. Петр III предстает в мемуарах, на которые ссылается Соснора, пьяницей, кривлякой, ненавистником всего русского: «голштинский герцог-паяц – российский император». Поэтому восшествие на российский престол Екатерины II – истинной патриотки и продолжательницы дел Петровых – в общественном мнении воспринимается как спасение империи от развала – от произвола и немецкого засилья (немка воспринимается как хранительница уважения к

русскому и к прошлому). В таком аспекте даются события с 28 июня по 6 июля 1762 г. в главах II–IV: Соснора дает своеобразный конспект трудов прославленных русских историков Ключевского [7], Платонова [8], Соловьева [9], Костомарова [10], которые повторяют расхожий миф. В главе V Соснора анализирует не тексты-мифы историков, а собственный текст Екатерины, её «Записки», обнаруживая в них мифотворчество, подхваченное историками. Столкновение и интерпретация текстов позволяют Сосноре высказать свою версию прихода Екатерины к власти.

Выделим основные пункты, по которым Соснора обвиняет Екатерину в мистификации истории и лицемерии.

Во-первых, критике подвергается страсть Екатерины к сочинительству («Не написавши, нельзя и одного дня прожить»), которую автор называет графоманством, но приходит к более глубокому объяснению страсти к писательству – страсть к самоописанию позволяет самой дать потомкам исходный текст, который будет принят за документ и за истину. Известно более шести вариантов «Записок» Екатерины о себе, которые все заканчиваются 1762 г., что обнаруживает устойчивое желание оправдать незаконное восшествие на престол. Другой способ самооправдания – создать образ образованнейшей и талантливейшей женщины своего времени: осталось около 12 томов сочинений: пьес, сказок, романов, мемуаров, записок, либретто, свидетельствующих о стремлении записать каждую собственную мысль, каждый шаг. На образ образованнейшей и талантливейшей женщины работают и свидетельства о глубочайшей эрудиции, большом круге чтения, о переписке с французскими энциклопедистами. Но Соснора обращает внимание на оговорки Екатерины, например: «прочла пару страниц», «начала читать, но не могла читать последовательно, это заставило меня зевать», «бросила книгу, чтобы возвратиться к нарядам» [3. С. 86], и делает вывод о поверхностности, мнимой эрудиции, лицемерии в переписке. Подлинными чертами характера Екатерины, по выводам Сосноры, оказываются лживость, хитрость, лицемерие, непомерное тщеславие.

Во-вторых, амурные дела Екатерины, общеизвестные и ставшие материалом для бульварных романов либо медицинского исследования. Соснора не только отрицает возможность истинной любви к фаворитам, но убежден в циничном прагматизме Екатерины. Они ей были нужны по причине одиночества, бессилия, в прагматических целях; она им – по карьерным соображениям.

В-третьих, Соснора обнаруживает в поведении императрицы «царственный цинизм», проявляющийся в поступках и словах. Например, после насильственной смерти Петра III в Ропше «виновники» были не только не наказаны, но и награждены. В этом автор повести видит откровенную жестокость «милосердной» и «человеколюбивой» государыни, недостойную мстительность уже поверженному императору. Екатерину отличало стремление прийти к власти любыми средствами. Соснора перечисляет многое: предательство матери, переход в другую веру, лицемерные отношения с супругом и его теткой, предательство Петра, интриги, желание и умение всем нравиться, обман. Это обнаруживается при подробном анализе «Записок»: Петр всегда выставляется в смешном, нелепом или уничижительном свете, в то время как Екатерина наделяется одними добродетелями. Цинизм распространяется и на сфе-

ру государственного правления, когда, заигрывая с философами просвещенной Европы, декларируя просвещенную монархию, государыня казнила, ссылала, преследовала, подавляла малейшее проявление свободной мысли. Соснора приводит в пример судьбы Новикова и Радищева. Екатерина много писала о просвещенном стиле своего правления, принятого всей Россией, но конкретные исторические факты свидетельствуют о другом. В 1764 г. обнаружилось 14 заговоров в пользу Иоанна Антоновича, а затем кровавое восстание Пугачева, восстание Железняк и Гонты, польское восстание Костюшко. В лицемерном «Наказе» – «каждый пункт – демагогия и ложь, <...> маска, надетая для наивного потомства и для общественного мнения, а также для интеллигенции Запада» [3. С. 88].

Итак, выделяя истинные стремления Екатерины, Соснора демифологизирует не только образ императрицы, созданный ею, но и многочисленные свидетельства о ней. На примере переворота 1762 г. Соснора вскрывает общий для истории механизм мифологизации событий и документов в интересах определенных людей. Выдающиеся историки-классики в своих трудах ссылаются на свидетельства самой Екатерины, тем самым текст, полный вымысла, становится документом, а исторический текст, призванный быть интерпретацией документа, становится тождественным художественному тексту. Историческое событие домысливается, становится версионным. По версии историков, события разворачивались по схеме, предложенной в главах II–IV, по версии писателя, те же события приобретают иное толкование. В VI–VIII главах 28 июня 1762 г. описывается как случайность, скрывающая закономерность, заинтересованность конкретных людей не столько в спасении России, сколько в собственных привилегиях. Петр III слишком резко начал реформы, слишком либеральные на тот момент: упразднение Тайной канцелярии, указ о веротерпимости, указ о необязательности службы в армии, освобождение монастырских крестьян, указ о гласном суде. Петр затронул кровные интересы многих. Но лишь отношения конкретных людей (не только Екатерины) вызвали событие, имеющее исторические (сверхличные) последствия. Соснора пишет о роли Измайловского полка и братьев Разумовских, фаворита Екатерины Орлова и его брата, который после ссоры с Петром спровоцировал Екатерину на взятие власти. Случаен удачный исход переворота: Петр слишком медленно размышлял, верил своему окружению, надеялся на помощь Кронштадта и безропотно подписал отречение. Его смерть окончательно завершила продолжение события. Историки поддались механизму мифологизации текста, принимаемого за документ, что повлекло за собой мифологизацию исторических событий и деятелей. По версии Сосноры, спасительница Отечества не может претендовать на это звание. Она не была ни организатором событий, ни выразителем сил спасения. Она установила лживые механизмы власти: «Главное не что делаем, а как об этом говорим». Этот принцип остаётся главным для всех властителей. Екатерина не случайно становится героиней повести Сосноры (и всех трех исторических повестей): ею были установлены правила игры в историю: создание текстов о событиях, не выявляющих, а скрывающих подлинный ход и смысл событий. Демагогия, ложь и цинизм Екатерины, как нам представляется, для Сосноры были тождественны механизму советской власти, особенно в 1968 г. (год

создания повести), когда после пражских событий окончательно исчезли шестидесятнические надежды на правду: и на нравственную правду, и на отказ от двоемыслия. Вывод очевиден: в русской истории не меняется сущность власти, её цинизм проявляется не только в подавлении личности, но в отказе от истины, Мифологизация сознания с помощью текстов, культуры оказывается всемогущей, действующей не только на массы, но и на интеллектуалов (историков, в частности).

III

Третья повесть «Две маски» посвящена заговору Василия Миновича против Екатерины. Здесь Соснора использует поэтику, близкую тыняновской, – не интерпретация текстов о событии, а художественная «версия», повествование о событии за границами документов. В первой части «Смерть сумасшедшего и казнь авантюриста» представлена официальная версия заговора, распространенная в многочисленных исторических документах; вторая часть «Смерть узника и казнь поэта» воспроизводит авторскую версию. В центр повести выдвинуты два главных героя, событийно связанных, но даже не узнавших друг друга: Иоанн VI и Василий Минович.

Первые две главы посвящены личности и судьбе Иоанна Антоновича VI, претендента на российский престол, узника Шлиссельбургской крепости. Автор опирается на документы, прежде всего на отчет историков журнала «Русская старина», с 1870 по 1879 г. занимавшихся изучением документов о семье Ивана Антоновича. Документы доказывают плохую наследственность претендента на российский престол, сына Анны Леопольдовны, свергнутого Елизаветой Петровной, восстановившей линию Петра в царской династии. Приводятся цитаты из отчета: «Болезненное состояние Иоанна Антоновича само по себе не только лишало его всяких прав на престол, но едва ли могло допустить и самостоятельное пользование правами простого гражданина» [3. С. 154]. Историки пользовались и рассказами-слухами, например конвоиров: «Он боялся воды, поэтому не мылся месяцами и помыть его насильно было мукой, он не видел солнца, не умел читать, грыз ногти, ел мыло, ловил и вешал крыс, дико кричал по ночам и вообще был не в уме [3. С. 155]. К. Валишевский в книге «Роман императрицы. Екатерина II» ссылается как на слухи, так и на «Историю...» С.М. Соловьева, но констатирует: «Он оставался угрозой. Его печальный образ беспокоил даже Вольтера, предвидевшего, что философы не нашли бы себе друга в этом императоре. И в 1764 г. Иван Антонович скончался. Это событие дало повод к разноречивым толкам, в которых историку разобраться не легко. Сама Екатерина постаралась «замять» дело, в этом ей помогали другие» [11. С. 319]. Соснора доказывает нерелевантность документов, а тем более выводов историков, история отталкивается как от слухов, так и от лживых документов, составленных по повелению властителя. Поэтому любая версия, вычитываемая из исторического документа, может быть возможна. В этом заключается исследовательский метод Сосноры – интерпретируя общеизвестные документы, выделить маргинальные детали и сведения, представляющие иное понимание события, и найти в них новые

смыслы. Писатель выступает в роли защитника от исторического будущего и меняет исторические клише и ярлыки с событий и людей.

Начальная установка: изоляция младенца была нужна для восстановления потомков Петра на престоле (Елизаветы), а выросший претендент, даже заточённый в крепости, стал угрозой воцарившейся в 1862 г. Екатерины. Слухи и документы подтверждали слабоумие Иоанна, но его изоляция должна была стать окончательной при малейшей угрозе власти.

Тот же механизм возведения слухов и сплетен в жанр исторического документа раскрывается Соснорой и в повествовании о Василии Миновиче. Отзыв Екатерины: «Он был лжец, бесстыдный человек и превеликий трус. Он был сын и внук бунтовщиков» [3. С. 157]. Екатерина знала громкую фамилию: дед Миновича, предав Петра I, ушел с Мазепой, отец был сослан в Сибирь за связи с Польшей, немногочисленные родовые имения конфисковала Тайная канцелярия. Екатерина должна была знать, что 24-летний подпоручик участвовал в перевороте 1762 г. и надеялся вернуть славу и состоятельность рода: он писал письма императрице, что влюблен и жаждет послужить ей и Отечеству, однако он получил резолюцию: «Детям предателей Отечества счастье не возвращается». По официальной версии, подхваченной историками, униженное честолюбие, зависть, пьянство и карточные долги толкают Миновича к заговору в пользу Ивана VI. Соснора приводит документ с претензиями Миновича на суде, записанными Паниным: стать любимцем Екатерины, посещать все места, где бывает она, поступить в гвардию, вернуть все имения фамилии. Минович выступает как плебей, которого обошли милости государыни: «офицерское самолюбие», «программа плебея», «дешевое фрондерство». Такой образ Миновича закрепился в истории и был растиражирован в русской беллетристике. Г.П. Данилевский, автор романа «Минович», писал: «Я старался быть верным преданию и истории, которые рисуют Миновича самолюбивым, мало развитым и легкомысленным «армейским авантюристом», завистливым искателем карьеры, картежником, мотом» [3. С. 162]. Таким образом, первая часть повести дает одну сторону образа-маски Иоанна Антоновича и Миновича: сумасшедший претендент на престол и авантюрист в поисках собственной выгоды.

Во второй части повести «все факты остаются» в той же последовательности, но меняется их интерпретация, что отражает название: «Смерть узника и казнь поэта». Соснора показывает, как исторический текст может оторвать специально замалчиваемые смыслы, создать новую версию исторического события. Например, донесения коменданта Шлиссельбургской крепости Овцына не содержат прямых указаний на сумасшествие Иоанна, фраза о повреждении в уме вырвана из контекста самой Екатериной и процитирована в Сенате. До бешенства узника доводила, забавляясь, охрана. Соснора приводит свидетельства Петра III, барона Ассбургга, тайного советника датского посла при русском дворе, барона Корфа, полицмейстера Петербурга, обершталмейстера Нарышкина – никто из этих особ не заметил сумасшествия, косноязычия, заикания, дикости Иоанна, наоборот, они свидетельствуют, что «разговор Иоанна не только рассудителен, но и даже оживлен» [3. С. 190]. Он читал, хорошо знал Библию, спорил на богословские темы, он был здоров, волновал своей судьбой Вольтера и других философов, был пятном на репу-

тации просвещенной монархии и был опасен, поэтому требовал немедленного устранения. Интерпретация документов показывает, что ложь об Иоанне сознательно создана в интересах Екатерины Сенатом, а исполнителя устранения Екатерина нашла в романтическом Мировиче.

Главной чертой, легшей в основу мифа о Екатерине, по свидетельствам современников, было умение очаровывать, играть и на пороках, и на достоинствах людей, она умела выбирать людей для подвигов. Мирович, подавший в Сенат жалобу на Екатерину, не был наказан, по свидетельствам близких ему людей, ему была назначена аудиенция у государыни, подробности которой остались неизвестны. Неизвестны обещания Екатерины Мировичу, неизвестны условия договора, но сохранились архивы Шлиссельбургской крепости и Тайной канцелярии, в которых найдены отчеты, доносы, инструкции заказчиков убийства и расписки наемных убийц, получивших по семь тысяч рублей за исполнение. Мирович выступил прикрытием замысла устранения опасного претендента на престол и казнен как государственный преступник. Суд над Мировичем был скорым, Екатерина торопила Сенат, не было проведено дознания пыткой, не было опроса свидетелей, не найдены другие заговорщики, даже родители Мировича не были допрошены. Был нарушен процесс судопроизводства, о чем есть записка члена Сената, барона А. Черкасова, но он не был принят во внимание. Так была создана официальная версия о заговоре Мировича, в результате которого случайно был убит Иоанн Антонович.

Соснора, цитируя осторожные комментарии историка К. Валишевского («В процессе Мировича были действительно странные подробности; так, по личному распоряжению императрицы, не было сделано попыток найти участников заговора, а их, между тем, не могло не быть; даже родителей Мировича не подвергли допросу. Но все-таки это слишком неясные указания, чтобы можно было заключить по ним о виновности Екатерины» [11. С. 320]), разворачивает версию сговора Екатерины и Мировича, в результате которого первая освободилась от постоянной угрозы переворота, второй был обманут и казнен. Мирович в версии Сосноры выступает как умный, образованный, талантливый (хорошо рисовал, писал стихи) человек, понявший, что его обманули, но не выдавший государыню, к которой благоволил. В доказательство своей версии Соснора приводит документ – предсмертное стихотворение Мировича, в котором он увидел поэтически зашифрованные условия договора – обещанную эмиграцию (Париж и Прага).

Обращение поэта В. Сосноры к исторической тематике не случайно: актуальной для шестидесятников, как уже говорилось, была проблема подавления человека властью, и, помимо аллюзий на современность, историческая проза Сосноры обнаруживала повторяемость таких ситуаций, не связанных только с современностью. Поэт-авангардист, предвосхищая русских постмодернистов, заговорил о роли слова, документа в хранении исторической памяти и обнаружил девальвацию документа, необходимость прочитывать документ боковым зрением, обнаруживая вариативность исторических смыслов и даже исторических событий. Самоопределение человека в мире текстов – глобальная проблема, но она связана с проблемой поэта, творящего тексты, и в поэтической системе Сосноры это наиболее значимый мотив. Предраспо-

ложенность к историческим версиям у Сосноры связана с его поэтическим мышлением, предполагающим значение иносказания в открытии прошлого, значении духовного прозрения в определении лжи и истинности текстов. Наконец, авторская стратегия Сосноры, проявившаяся в повестях о русской истории, важна для понимания современной псевдоисторической прозы, прежде всего отсутствием пренебрежения к текстам при понимании возможной фальсификации смыслов в текстах.

Литература

1. Рыбальченко Т.Л. От редактора // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. Вып. 7: Версии истории в литературе XX века / ред. Т.Л. Рыбальченко. Томск, 2005. С. 3–4.
2. Тынянов Ю.Н. Как мы пишем // Тынянов Ю.Н. Литературный факт. М., 1993. С. 150–157.
3. Соснора В. Властители и судьбы: Литературные варианты исторических событий: Повести. Л.: Сов. писатель, 1986*.
4. Державин Г.Р. Полное собрание сочинений / под ред. Д.Д. Благого. Л.: Сов. писатель, 1957. (Библиотека поэта. Большая серия).
5. Грот Я.К. Жизнь Державина. М.: Алгоритм, 1997.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Рус. яз., 1989.
7. Ключевский В.О. Курс русской истории. Лекция 73–74. Библиотека Гумер. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Kluch/_22.php (дата обращения: 8–9 июля 2011).
8. Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. Ч. 3. Глава «Петр III и переворот 1762 года». Библиотека Гумер. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Plat/_22.php (дата обращения: 8–9 июля 2011).
9. Соловьев С.М. История России с древнейших времен Т. 25. Гл. 1. Библиотека Гумер. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Solov/_22.php (дата обращения: 8–9 июля 2011).
10. Костомаров Н.И. История России в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Гл. 22. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/kost/index.php (дата обращения: 8–9 июля 2011).
10. Валишевский К. Роман императрицы. Екатерина II. М., 1990. Репринтное воспроизведение издания: СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1908.

* Все цитаты из повестей приводятся по данному изданию